

С.Е. ЯХОНТОВ

КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

Яхонтов Сергей Евгеньевич
**Категория глагола в китайском
языке**

Редактор *Л. А. Стопцова*
Техн. редактор *С. Д. Водолагина*
Корректоры *Т. А. Кошелева,*
З. И. Динабург

Сдано в набор 7 I 1957 г. Подписано
к печати 16 VIII 1957 г. М-09590
Тираж 1760 экз. Печ. л. 11,38.
Бум. л. 5,69. Формат бум. 60х92¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 11,42 Заказ 442.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград,
Университетская наб., 7/9.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

С. Е. ЯХОНТОВ

КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Монография „Категория глагола в китайском языке“ посвящена одному из важных вопросов грамматики современного китайского языка. В ней исследуются синтаксические свойства отдельных групп глаголов в китайском языке (сочетаемость глаголов с различными типами дополнений), а также грамматические категории и формы китайского глагола — категории вида, времени и некоторые другие.

Книга рассчитана на студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей, занимающихся китайским языком, а также на специалистов по общему языкознанию, интересующихся грамматическим строем этого языка.

Ответственный редактор
Н. А. Петров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, какое большое значение имеет для китайского языкознания вопрос о частях речи в китайском языке. Среди обширной литературы, посвященной этому вопросу, особого внимания заслуживает монография А. А. Драгунова,¹ где, в отличие от других работ на ту же тему, не только рассматриваются общие критерии для разграничения частей речи, но и дается описание свойств отдельных частей речи. В настоящее время большинство ученых, занимающихся изучением китайского языка, признаёт существование в нем частей речи. Однако подробных монографических исследований, посвященных одной какой-нибудь части речи, насколько известно автору, до сих пор не было. Из всех частей речи такого описания в особенности заслуживает китайский глагол, так как он обладает наибольшим разнообразием грамматических категорий и форм.² Описание глагола в китайском языке и является предметом настоящей книги.

Специальных работ о китайском глаголе или отдельных его формах очень немного; но в каждой грамматике китайского языка существует раздел, посвященный глаголу, его грамматическим формам и категориям.

Первая грамматика китайского языка была издана в 1703 г. в Кантоне.³ В Европе первой китайской грамматикой была книга Байера,⁴ изданная в Петербурге в 1730 г. В обеих этих книгах, так же как и в нескольких других, последовавших за ними, дается только перевод грамматических форм европейских языков (обычно латинского) на китайский язык. В настоя-

¹ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. I. Части речи. Изд. АН СССР, М. — Л., 1952.

² Обзор грамматических категорий китайского глагола и способов их выражения можно найти в статье Юй Миня „Ханьюй дунцзы ды синтай“ („Формы китайского глагола“), „Юйвэнь сюэси“, 1954, № 4, стр. 43 — 51.

³ Francisco Varo. Arte de la lengua mandarina. Canton, 1703.

⁴ Bayer. Museum Sinicum. SPb, 1730.

щее время эти грамматики представляют интерес только для истории науки.

С первой половины XIX в. во многих странах Европы вводится преподавание китайского языка в университетах и других учебных заведениях. Тогда же были созданы первые научные грамматики китайского языка. Так, в 1822 г. во Франции вышла книга Абель-Ремюзэ.¹ Автор ее никогда не был в Китае и изучал китайский язык только по книгам, поэтому в изданной им грамматике он рассматривает только книжный китайский язык (древнекитайский, а также средневековый — язык старых романов и пьес). Эта грамматика в основном также построена по образцу латинской; однако в ней впервые придается большее значение описанию правил порядка слов.

В 1835 г. в России вышла китайская грамматика Н. Я. Бичурина (Иакинфа).² Бичурин, в отличие от Ремюзэ, прекрасно владел устной китайской речью, но считал, что грамматика должна ограничиваться описанием письменного языка, разговорный же язык не подчиняется грамматическим нормам. Исходя из этого неправильного представления, Бичурин в своей книге исследовал тоже только язык письменных памятников (т. е. древний и средневековый), а не современную ему устную речь. Бичурин первый рассмотрел в своей книге грамматические взгляды китайских ученых; в частности, он ознакомил европейскую науку с делением слов китайского языка на полные (т. е. знаменательные) и пустые (служебные).

Изучение современного разговорного китайского языка в Западной Европе и в России в течение долгого времени преследовало узко практические цели. В середине и в конце XIX в. появилось немало грамматик, учебников и самоучителей китайского языка. Авторами их по большей части были не ученые-языковеды, а миссионеры, дипломаты, коммерсанты. В этих работах, как правило, рассматривается не книжный, а живой разговорный язык, нередко даже какой-нибудь местный диалект. Они часто содержат интересные соображения частного характера, но не дают общего представления о строе языка и не исследуют серьезных теоретических проблем, поэтому дают мало нового для китайского языкознания как науки.

Среди практических грамматик этого рода следует отметить работы К. Матира,³ К. Арендта,⁴ Л. Вигера⁵ и П. Шмидта⁶.

¹ Abel-Rémusat. *Eléments de la grammaire chinoise*. Paris, 1822.

² Хань-вынь-ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. СПб., 1835.

³ C. W. Mateer. *A Course of Mandarin Lessons, Based on Idiom*. Shanghai, 1892. Revised 1906.

⁴ C. Arendt. *Einführung in die nordchinesische Umgangssprache*. Stuttgart — Berlin, 1894.

⁵ L. Wieger. *Chinois parlé*. 1895. Troisième édition refondue — 1912.

⁶ П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики. Владивосток, 1902. Изд. 2-е, 1915.

Все они построены в общем по одному и тому же плану: книга разделена на большое число параграфов или урсков, в каждом из которых рассматривается какое-нибудь одно грамматическое явление или функции какого-нибудь одного служебного слова, обычно без всякой связи с другими вопросами грамматики. В качестве иллюстрации приводится большое количество примеров. Порядок изложения часто случаен. Эти работы ценны, главным образом, тем, что в них собран и определенным образом систематизирован большой языковой материал. П. Шмидт предпослал своему „Опыту мандаринской грамматики“ научное введение, однако вопросам грамматического строя китайского языка в нем отведено всего пять страниц.

Ученые-филологи в Европе долгое время интересовались только грамматикой древнекитайского языка. Ей были посвящены, в частности, большие работы С. Жюльена¹ и Г. Габеленца.² Оба автора отрицают существование морфологии в китайском языке. Подчеркивая это, Жюльен назвал свою книгу не „Грамматикой“, а „Синтаксисом“.

Китайские ученые сравнительно поздно начали систематическое изучение грамматики своего языка. В старом Китае грамматика вообще не существовала как особая наука; ее заменяли словари служебных слов и частиц, встречающихся в произведениях классической китайской литературы. Примером такого словаря может послужить книга Ван Инь-чжи,³ на материалах которой в значительной своей части построен „Синтаксис“ Жюльена.

Первой настоящей грамматикой древнекитайского языка, написанной китайцем для китайцев, был „Вэнь тун“ (Объяснение [правил] письменного языка) Ма Цзянь-чжуна,⁴ изданный в 1898 г. Считая, что грамматические категории в общем одинаковы во всех языках, Ма Цзянь-чжун построил свою книгу по образцу школьных грамматик латинского языка и других языков Европы; поэтому иногда он приписывает китайскому языку такие категории, которых в нем в действительности нет. В то же время автор „Вэнь туна“ широко использовал и развивал достижения классической китайской филологии в области описания значений служебных слов.

Более или менее подробное научное исследование грамматики современного китайского языка начинается только в XX в.

¹ Stanislas Julien. *Syntaxe nouvelle de la langue chinoise*. Paris, 1869 — 1870.

² Georg von der Gabelentz. *Chinesische Grammatik mit Ausschluß des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache*. Leipzig, 1881.

³ Ван Инь-чжи. Цзин чжуань ши цы (Объяснение слов, встречающихся в классических книгах и комментариях к ним). 1798. Современное издание: Шанхай, 1956.

⁴ Ма Цзянь-чжун. Ма ши вэнь тун (Объяснение [правил] письменного языка, господина Ма). 1898. Современное издание с исправлениями и примечаниями Чжан Си-чэня: Ма ши вэнь тун цзяо чжу. Шанхай, 1954.

В 1914 г. вышла грамматика М. Курана,¹ в которой рассматривается только современный китайский разговорный язык. Автор ее находился под влиянием уже упоминавшейся книги Жюльена и других работ, посвященных древнекитайскому языку, и поэтому многие теоретические положения этих работ механически перенес на современный язык. Куран считал, что китайское слово не имеет форм и, взятое вне контекста, не принадлежит ни к какой определенной грамматической категории; раз в китайском языке нет форм спряжения, то, следовательно, нет и глагола. Эти же мысли позднее развивал в своих статьях другой французский синолог — А. Масперо.² Он утверждал, что в китайском языке каждый слог представляет собой отдельное слово, что в нем не существует ни словоизменения, ни словообразования и есть всего лишь две-три грамматические категории, выражающиеся порядком слов. В работах этих двух ученых есть интересные соображения по отдельным частным вопросам (например, описание видов китайского глагола у Масперо), но в целом к их теориям надо подходить с большой осторожностью.³ В СССР они получили распространение главным образом среди людей, только поверхностно знакомых с китайским языком — например, среди некоторых специалистов по общему языкознанию.⁴

В это же время в Европе продолжали появляться и различные практические пособия для изучения китайского языка. Среди них необходимо отметить книгу бельгийского миссионера Ж. Мюлли,⁵ изучавшего диалекты провинции Жэхэ. Как и те практические грамматики, о которых говорилось выше, книга Ж. Мюлли интересна прежде всего приведенным в ней обширным фактическим материалом.

В самом Китае после „движения 4 мая“ (1919 г.) современный литературный язык (байхуа) получил всеобщее признание в прессе, в школе, в художественной литературе и в других областях общественной жизни. В связи с этим началось усиленное изучение его китайскими лингвистами. Из грамматических работ, написанных в это время, наиболее известна неоднократно переиздававшаяся книга Ли Цзинь-си.⁶ Она имеет

¹ M. Courant. Grammaire de la langue chinoise parlée. Paris, 1914.

² H. Maspéro. La langue chinoise. Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris. Année 1933, Paris, 1934; H. Maspéro. Les langues de l'Extrême-Orient. Le Chinois. Encyclopédie Française, I, pp. 1-40-2 — 1-40-6, 1939.

³ Критику взглядов Масперо см. у А. А. Драгунова („Исследования по грамматике современного китайского языка“, стр. 16—17).

⁴ См., напр.: А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I, М., 1952, стр. 183.

⁵ Jos. Mullie. Het chineesch Taaleigen. 1930 — 1933. Английский перевод: Jos. Mullie. The Structural Principles of the Chinese Language. Peip'ing, 1932 — 1937.

⁶ Ли Цзинь-си. Синь чжу гоуй вэньфа (Новая грамматика национального языка). 1924; изд. 20-е — 1954.

нечто общее с грамматикой Ма Цзянь-чжуна; большое влияние на нее оказала школьная грамматика английского языка.

Однако после временного поражения китайской революции в 1927 г., в годы господства гоминьдановской реакции, интерес к современному языку в Китае снова на некоторое время ослабел. В 1927—1936 гг. было издано несколько работ по грамматике древнекитайского языка, но все они мало интересны и по своему научному уровню, пожалуй, даже ниже книги Ма Цзянь-чжуна.

В Советском Союзе современному китайскому языку всегда уделялось гораздо больше внимания, чем древнекитайскому; при этом современный китайский язык изучался не только с практической, но и с научной целью. Первая в СССР научная грамматика была написана А. И. Ивановым и Е. Д. Поливановым в 1930 г.¹ (теоретическая часть в ней принадлежит Е. Д. Поливанову). Эта книга была еще во многом несовершенна. Е. Д. Поливанов считал, что в китайском языке не существует принципиального различия между морфологией и синтаксисом; всякое сочетание морфем, даже если оно соответствовало целому предложению, он рассматривал как инкорпорацию, т. е. как сложное слово. С этим его положением нельзя согласиться.

В 30-х годах был опубликован также ряд других работ, посвященных грамматике китайского языка или отдельным ее вопросам.² В 1940 г. вышла большая монография А. А. Драгунова, где рассматриваются некоторые глагольные категории дунганского языка, а также соответствующие категории китайского языка.³ Другая важная работа А. А. Драгунова — „Грамматическая система современного китайского разговорного языка“ (курс лекций, читанных на филологическом факультете Ленинградского университета в 1937—1939 гг.) осталась непечатанной.⁴

В Китае современный китайский язык снова начали усиленно изучать в последние годы второй мировой войны и в начале послевоенного периода. В это время были написаны грам-

¹ А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.

² A. Lung хо S. Zhou. Wenfa chubu giaokoshu (А. А. Драгунов и Чжоу Сун-юань. Начальная грамматика китайского языка). Хабаровск—Владивосток, 1934 (несколько раз переиздавалась в Китае); Б. А. Васильев и Ю. К. Щуцкий. Строй китайского языка. Л., 1936; Е. и А. Драгуновы. Части речи в китайском языке. „Советское языкознание“, 1937, т. III, стр. 117—129; и др.

³ А. Драгунов. Исследования в области дунганской грамматики. I. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу). Труды Института Востоковедения, т. XXVII, 1940.

⁴ Несколько экземпляров этой работы (машинопись) хранятся в библиотеке Ленинградского университета и служат учебным пособием.

матики Люй Шу-сяна,¹ Ван Ли (Ван Ляо-и),² Гао Мин-кая,³ а также ряд статей по отдельным вопросам как современной, так и исторической грамматики китайского языка.

Грамматические исследования этого периода сильно отличаются от книг Ма Цзянь-чжуна и Ли Цзинь-си, о которых говорилось выше. Их авторы уже не берут за образец европейские грамматики, а стремятся вскрыть специфические особенности самого китайского языка. Они хорошо знакомы с современным западноевропейским и американским общим языкознанием — с работами Л. Блумфилда, О. Есперсена, Ж. Вандриеса.⁴ В их грамматиках основное внимание обращается на изучение синтаксиса и отчасти — на значение отдельных служебных и полуслужебных морфем. Существование морфологии в китайском языке эти исследователи отрицают (или по крайней мере не выделяют морфологию как особый раздел в своих книгах); части речи они рассматривают как чисто смысловые категории и не считают обязательным указывать объективные критерии для отнесения того или иного слова к определенной части речи.

В СССР изучению китайской грамматики до 1950 г. большой вред наносило „новое учение“ о языке. Представители этого направления в языкознании считали флективный тип языка высшим, наиболее совершенным, а так называемый аморфный (или изолирующий, корневой) — низшим, примитивным. Их взгляды на китайскую грамматику мало отличались от теорий западноевропейской буржуазной синологии. Так, академик И. И. Мещанинов решительно отрицал существование глагола в китайском языке.⁵ Другие последователи „нового учения“⁶ подменяли реально существующие в китайском языке категории

¹ Люй Шу-сян. Чжунго вэньфа яолюэ (Очерк грамматики китайского письменного языка). Шанхай, 1941; изд. 6-е — 1953.

² Ван Ли. Чжунго юйфа дилунь (Теория китайской грамматики). Чунцин, 1944—1945. Шанхай, 1946—1947; перепечатана с матриц шанхайского издания в 1955 г.; Ван Ли. Чжунго сяньдай юйфа (Грамматика современного китайского языка). Шанхай, 1947; перепечатана с матриц первого издания в 1955 г.; Ван Ляо-и. Чжунго юйфа ган'яо (Основы китайской грамматики). 1946; изд. 4-е—1951. Русский перевод: Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М., 1954.

³ Гао Мин-кай. Ханьюй юйфа лунь (Грамматика китайского языка). Шанхай, 1948; изд. 2-е—1951.

⁴ Впрочем, влияние европейской лингвистики на китайские грамматические работы часто было весьма поверхностным. Примером могут послужить „Основы китайской грамматики“ Ван Ляо-и. В этой книге главы IV и V, где излагаются теории Блумфилда и Есперсена в применении к китайскому языку, очень слабо связаны с остальной ее частью.

⁵ И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1949, стр. 22—27.

⁶ Н. Н. Коротков. Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом „жань“ в китайском языке. Труды Московского Института востоковедения, 1946, вып. 3, стр. 181—202; И. М. Ошанин. О понятийных категориях китайского глагола. Труды Военного института иностранных языков, 1945, № 1, стр. 41—46. И. Ошанин. О частях речи в китайском языке. Там же, 1947, № 3, стр. 77—92.

вымышленными, будто бы находящимися где-то вне языка „понятийными“ категориями, в ряде случаев прямо искажая языковые факты и подгоняя их под свои „понятийные“ схемы. Подобные „методы“ исследования лишают эти работы какой бы то ни было научной ценности.

Только после лингвистической дискуссии 1950 г. изучение китайского языка в нашей стране снова начало быстро развиваться. Был опубликован ряд исследований, освещающих с марксистских позиций важные проблемы китайского языкознания, в том числе уже упоминавшаяся монография А. А. Драгунова, посвященная проблеме частей речи в китайском языке, а также учебник китайского языка под редакцией Н. Н. Короткова,¹ в котором много места уделено вопросам грамматики. На русский язык была переведена, с примечаниями А. А. Драгунова, одна из грамматических работ проф. Ван Ляо-и², и, таким образом, советский читатель впервые познакомился с китайской грамматической литературой.

Огромную работу по изучению языка своей страны ведут сейчас языковеды Китайской Народной Республики. Известно, что в КНР большое внимание обращается на популяризацию грамматических знаний. За последнее время было издано несколько грамматик, рассчитанных не только на специалистов, но и на более или менее широкий круг читателей. Наибольшее распространение из них получили „Лекции по грамматике и стилистике“ Люй Шу-сяня и Чжу Дэ-си.³ Очень интересна грамматика, составленная коллективом отделения грамматики Института языка АН КНР⁴, которая печаталась журналом „Чжунго юйвэнь“; правда, фактически в ней рассматриваются только вопросы синтаксиса. Статьи по отдельным вопросам грамматического строя китайского языка непрерывно публикуются в нескольких китайских лингвистических, филологических и педагогических журналах. По отдельным узловым проблемам грамматики были проведены дискуссии: в 1954 г. о частях речи, в 1955—1956 гг. о подлежащем и дополнении.

Китайский язык изучается и в европейских странах народной демократии. В частности, в Чехословакии проф. Прушек опубликовал несколько лингвистических статей, в том числе одну, посвященную глагольным категориям китайского языка.⁵

¹ Б. Исаенко, Н. Коротков, И. Советов-Чэнь. Учебник китайского языка, под ред. Н. Н. Короткова. М., 1954.

² Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М., 1954.

³ Люй Шу-сянь, Чжу Дэ-си. Юйфа сюэ цзяньхуа (Лекции по грамматике и стилистике). „Жэньминь жибао“, 6 июня — 5 декабря 1951 г.; отдельное издание — 1952 г.

⁴ Чжунго Кэсюэюань Юйянь Яньцзюсю юйфа сяоцзю. Юйфа цзяньхуа (Отделение грамматики Института языка Академии наук Китая. Лекции по грамматике). „Чжунго юйвэнь“, № 1 — 17 (июль 1952 г. — ноябрь 1953 г.).

⁵ J. Průšek. Quelques remarques sur les aspects en chinois. Archiv Orientální, 1950, v. XVIII, № 1—2, str. 408 — 430.

Из этого краткого обзора видно, что ряд исследователей китайского языка склонен отрицать существование в нем частей речи, форм слова, морфологии и даже грамматических категорий вообще. Авторы других работ по китайской грамматике ищут в ней категории других языков (английского, латинского) или вымышленные „понятийные“ категории. Работы этих китаеведов представляют для нас сравнительно малый интерес. Наиболее ценны для нас те исследования, в которых не только перечисляются грамматические категории китайского языка, но и приводятся лингвистические доказательства существования этих категорий.

Существование в китайском языке частей речи, в том числе и глагола, в настоящее время можно, по-видимому, считать доказанным, поэтому в настоящей работе этот вопрос не будет специально разбираться. Мнения же отдельных исследователей по частным вопросам, касающимся китайского глагола, будут рассмотрены в соответствующих главах.

В главе, посвященной грамматическим категориям глагола, речь будет идти, главным образом, о глаголе-сказуемом и отчасти — о глаголе-обстоятельстве (глагол в функции обстоятельства, или определения к сказуемому, стоит вместе с зависящими от него словами перед сказуемым и обозначает действие, сопутствующее другому действию; таким образом, он приблизительно соответствует русскому деепричастию). Китайский глагол может получать после себя частицу *ды* (если после глагола стоят какие-нибудь зависящие от него слова, эта частица присоединяется к последнему из них, а не к самому глаголу), и тогда он употребляется в функции определения, подлежащего, именной части сказуемого и т. п. Однако грамматические особенности глагола, оформленного частицей *ды*, мы оставляем в стороне.

В настоящей книге рассматриваются факты современного китайского языка. Под „китайским языком“ (без уточняющих определений) в дальнейшем везде будет пониматься современный китайский литературный язык (байхуа) и лежащие в его основе северные диалекты.

Литературный китайский язык допускает различные стилистические варианты. Среди них прежде всего следует различать разговорную и книжную речь. Разговорная речь употребляется в быту, а также широко используется в художественной литературе; книжная речь употребляется в произведениях научной и публицистической литературы, отчасти в художественной литературе, а также в монологической речи (например, в докладах) и в официальной обстановке. В феодальном Китае в качестве книжного языка использовался несколько видоизмененный древнекитайский язык — *вэньянь*, поэтому между книжным и разговорным языком существовало очень большое расхождение. В настоящее время книжный и разго-

ворный китайский язык — это лишь стилистические варианты одного и того же современного китайского языка. Различие между ними состоит прежде всего в лексике; в частности, книжная речь использует почти исключительно двусложные слова, в то время как в разговорной речи односложные слова если не преобладают, то во всяком случае составляют очень значительный процент (в том и в другом случае я имею в виду слова в их основной форме, без словоизменительных аффиксов). Кроме того, в книжной речи встречается довольно много заимствований из старого литературного языка (вэньяня). Предложения книжной речи часто бывают сложны и громоздки по структуре, поэтому приводимые в книге примеры заимствуются преимущественно из разговорной речи (точнее, из художественной литературы, использующей разговорную речь).

В отдельных случаях для объяснения некоторых грамматических явлений в книге привлекается материал средневекового китайского языка, а отчасти также древнекитайского и современных китайских диалектов. Для средневекового китайского языка примеры взяты из романа Ши Най-аня „Шуй ху чжуань“ (XIV в.), а также из романа Цао Сюэ-циня „Хун лоу мэн“ (XVIII в.); язык последнего уже близок к современному, но в нем сохраняются и многие грамматические формы, характерные для средневекового языка. Средневековые и древнекитайские примеры даются в современном произношении.

Глава I

МЕСТО ГЛАГОЛА В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Вопросы, связанные с системой частей речи китайского языка, подробно рассмотрены А. А. Драгуновым в „Исследованиях по грамматике современного китайского языка“.

Согласно А. А. Драгунову, глагол в китайском языке не является единственной частью речи, могущей быть сказуемым предложения, и не противопоставляется всем остальным частям речи так резко, как в европейских языках. Бессвязочным сказуемым в китайском языке, кроме глагола, может быть также и прилагательное, поэтому глагол объединяется с прилагательным в одну более общую категорию — категорию предикатива (подобно тому, как в русском языке прилагательное объединяется вместе с существительным, числительным и местоимением в категорию имени).¹

Важнейшие особенности китайского глагола, свойственные также прилагательному и сближающие эти две части речи между собой, состоят в следующем:²

а) как глагол, так и прилагательное в китайском языке может быть в предложении сказуемым без связи;

б) как глагол, так и прилагательное свободно соединяется с различными наречиями, в частности с отрицанием;

в) как глагол, так и прилагательное изменяется по временам, т. е. присоединяет к себе видо-временные аффиксы и другие видо-временные показатели.

Однако наличие общих признаков у глагола и прилагательного не означает, что между этими двумя частями речи совершенно отсутствует какое бы то ни было различие. И глагол, и прилагательное имеют свои собственные грамматические признаки, по которым можно отличить эти две части речи одну

¹ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, стр. 12, 159 и др.

² Там же, стр. 159—162.

от другой. На этих признаках следует остановиться немного подробнее, поскольку у А. А. Драгунова они недостаточно четко выделены, причем сделан упор на явлениях, которые для различения прилагательного и глагола в китайском языке, может быть, и не наиболее существенны.

Основная особенность, отличающая прилагательное от глагола, состоит в том, что глагол и прилагательное по-разному ведут себя в функции определения. Неоформленный глагол может быть в предложении сказуемым, но не определением. В функции определения он обязательно должен быть оформлен частицей *ды*. Корень глагола и следующий за ним корень существительного, соединенные без помощи частицы *ды*, представляют собой единое сложное слово.¹ Напротив, прилагательное вполне может быть употреблено как неоформленное определение к существительному.² Тогда оно внешне ничем не отличается от существительного в той же функции.³ Сравним следующие группы примеров:

- а) $\overline{\text{гао}}$ $\overline{\text{шань}}$ 'высокая гора'
 $\overline{\text{хун}}$ $\backslash \overline{\text{бу}}$ 'красная материя'
 $\overline{\text{синь}}$ $\overline{\text{ифу}}$ 'новое платье'
- б) $\overline{\text{ча}}$ $\vee \overline{\text{вань}}$ 'чайная чашка'
 $\overline{\text{цзи}}$ $\backslash \overline{\text{дань}}$ 'куриное яйцо'
 $\overline{\text{цы}}$ $\overline{\text{ча}}$ $\overline{\text{ху}}$ 'фарфоровый чайник'

Примеры обеих групп построены совершенно одинаково; по их форме мы не можем решить, в каких из них первое слово является существительным, в каких — прилагательным. Для того чтобы решить этот вопрос, следует выяснить, как ведут себя интересующие нас слова в других синтаксических функциях. Мы знаем, что, например, слово $\overline{\text{гао}}$ 'высокий' может быть сказуемым без связки, — следовательно, оно является прилагательным, а слово $\overline{\text{ча}}$ 'чай' так употреблено быть не может и, следовательно, является существительным.

¹ Лу Чжи-вэй. Бэйцзин хуа даньиньцы цыхуэй (Словарь однословных слов пекинского диалекта). Пекин, Ксюэ чубаньшэ, 1956, стр. 23; А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, стр. 97 (примечание). — Глагольный корень в составе сложного существительного чаще всего указывает на назначение предмета или занятие лица, обозначенного этим существительным, либо на способ изготовления предмета, например: $\overline{\text{чжи}}$ $\overline{\text{нань}}$ $\overline{\text{чжэнь}}$ 'компас' (досл. 'игла, указывающая юг'), $\overline{\text{да}}$ $\overline{\text{цзи}}$ $\overline{\text{цзи}}$ 'пишущая машинка', $\backslash \overline{\text{фан}}$ $\overline{\text{ян}}$ $\overline{\text{ва}}$ 'пастушок' (досл. 'мальчик, пасущий овец'); $\overline{\text{сюнь}}$ $\overline{\text{юэр}}$ 'копченая рыба', $\overline{\text{кань}}$ $\backslash \text{у}$ 'печатное издание'.

² А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, стр. 170—172.

³ Я не думаю, однако, чтобы из этого можно было бы сделать вывод, что в функции определения прилагательное переходит в категорию имени, или существительное превращается в прилагательное. Сходство между существительными и прилагательными, употребленными как неоформленное определение, зависит исключительно от их синтаксической функции и в других синтаксических условиях не наблюдается.

Глагол отличается от прилагательного также тем, что может иметь после себя дополнение (прямое или косвенное, с предлогом или без предлога) или послеглагольное подлежащее, иногда (при связочных глаголах) — именную часть сказуемого. Сказуемое-прилагательное не может получать после себя дополнения или именной части сказуемого; слово, являющееся подлежащим к сказуемому-прилагательному, может стоять только перед ним, но не после него.

В тех случаях, когда после сказуемого-прилагательного стоит какое-нибудь существительное, оно всегда обозначает нечто являющееся неотчуждаемой принадлежностью лица или предмета, обозначенного подлежащим, и указывает, на какую часть или сторону этого лица или предмета распространяется качество, выраженное прилагательным, например:

/Ван Син-чжан.../хунла √ **лянь**, коу-чиды —шо: „Во /бу \яо!“ ‘Ван Син-чжан... покраснел (досл. ‘покраснел **лицом**’) и заикаясь сказал: „Я не возьму!“’ (Чжоу Цзе-фу, 40).

Слово √ **лянь** ‘лицо’ указывает, что качество, обозначенное прилагательным /хун ‘красный’, относится не к Ван Син-чжану вообще, а только к его лицу.

Такое существительное не является дополнением; правильное рассматривать его как особого рода обстоятельство. По значению оно соответствует „винительному отношению“ греческого языка, поэтому его можно назвать обстоятельством отношения (подробнее см. стр. 34—37).

После прилагательного может стоять также существительное, являющееся названием единицы измерения, в сочетании с числительным, например —гао \и √чи ‘выше на один фут’. Однако такое название единицы измерения тоже нельзя считать дополнением к прилагательному, так как оно отвечает на вопрос —дошао? ‘[на]сколько?’ (—гао —дошао? ‘насколько выше?’), а не на вопросы /шэй? ‘кто?’ или /шэммо? ‘что?’, на которые отвечает дополнение. Слово идяр ‘немного’, досл. ‘точка’ (в сочетании —хао идяр ‘немного лучше’, досл. ‘лучше на точку’), которое А. А. Драгунов считает примером дополнения к прилагательному,¹ на самом деле является именно названием единицы измерения (слившимся с числительным —и ‘один’), но в значительной степени лишенным знаменательного значения, почти превратившимся в служебное слово.

Помимо дополнения, к глаголу могут присоединяться модификаторы, т. е. служебные и знаменательные морфемы, указывающие на результат действия или на направление движения; глагол имеет свою систему счетных слов и сочетается со служебными глаголами /лай (досл. ‘приходить’) и \цюй (досл. ‘уходить’), обозначающими направление движения по отноше-

¹ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, стр. 164.

нию к говорящему лицу. Прилагательное не имеет счетных слов и не сочетается со служебными словами /лай и \цюй. К нему не присоединяются, как правило, морфемы, обозначающие результат или направление; правда, некоторые из них, ставшие служебными словообразовательными элементами (например, -сы, -цилай, -сялай и др.), присоединяются к нему, но с их помощью от прилагательного образуются глаголы (например, \эсы 'умереть с голоду' от \э 'голодный', \дацилай 'увеличиться' от \да 'большой', \цюнсялай 'обеднеть' от \цюн 'бедный'). Морфемы \хуай 'плохой' и \тоу 'проходить насквозь', часто присоединяющиеся к прилагательным, следует в этом случае, по-видимому, рассматривать не как модификаторы, а как наречия степени; в отличие от обычных наречий степени, они ставятся всегда после прилагательного, к которому относятся, а не перед ним (этой особенностью обладает также наречие /ци 'крайне'), например: \э \хуай ла 'страшно голоден', \ши \тоу ла 'мокрый насквозь'.

Поскольку показатели категории вида в китайском языке восходят к модификаторам и глагольным счетным словам, прилагательное, в отличие от глагола, не имеет категории вида; однако, как уже упоминалось выше, оно имеет смешанные, видо-временные категории.

Следует упомянуть также о том, что глагол и прилагательное по-разному образуют форму удвоения, и эта форма от глагола и от прилагательного имеет разное значение. Это отличие прилагательного от глагола — неодинаковые формы удвоения — А. А. Драгунов особенно подчеркивает в своем исследовании.¹ Однако вопрос о двух типах удвоения требует некоторого уточнения, поэтому мы к нему еще вернемся, когда будем говорить об удвоении глагола (см. стр. 149—151).

Таким образом, китайский глагол обладает следующими основными признаками (некоторые из них — общие для глагола и прилагательного): 1) может быть сказуемым без связки; 2) в функции определения принимает частицу *ды*; 3) может принимать после себя прямое или косвенное дополнение, иногда — именную часть сказуемого или послеглагольное подлежащее; 4) непосредственно соединяется с наречиями, в частности с отрицаниями; 5) имеет свои счетные слова; 6) сочетается со служебными словами /лай и \цюй; 7) присоединяет к себе модификаторы; 8) имеет категорию вида и присоединяет к себе различные видо-временные показатели.

Многие глаголы обладают лишь частью этих признаков, однако они остаются глаголами (так же, как в русском языке есть существительные — например, *кенгуру*, — которые не изменяются по падежам и, следовательно, лишены одного из важ-

¹ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, стр. 168—170.